

— ДНК-ДРАМА —

ГОЛОС ЗЕМЛИ

ЕЛЕНА ХРОМОВА

Елена Хромова

ДНК-драма. Голос земли

«Автор»

2026

Хромова Е.

ДНК-драма. Голос земли / Е. Хромова — «Автор», 2026

Эта книга открывает историю женщины, которая долгие годы жила так, будто её место в мире определено чужими решениями. Тишина, в которой она росла, стала её вторым именем, а привычка быть удобной превратилась в форму выживания. В какой-то момент эта тишина дала трещину, и под ней проявился голос, который не исчез, несмотря на многолетнее давление обстоятельств. Книга показывает, как родовые сценарии незаметно входят в жизнь, формируют выборы и реакции, подтачивают чувство собственной ценности. Здесь генетическая уязвимость переплетается с личной историей, а прошлое семьи становится фоном для поиска внутренней опоры. «ДНК-драма» станет зеркалом для тысяч женщин, которые долго следовали чужим ролям, а теперь стремятся идти по собственному пути.

© Хромова Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Хромова

ДНК-драма. Голос земли

Дисклеймер

Эта книга представляет собой личное исследование автора, основанное на наблюдениях, жизненном опыте и профессиональных размышлениях.

Все описанные персонажи, события и обстоятельства являются художественным обобщением. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, являются случайными.

Автор не ставит целью дать правовую или медицинскую оценку поступкам кого-либо, а лишь описывает субъективное восприятие происходившего, с целью анализа психологических, социальных и биологических механизмов человеческого поведения.

Книга не направлена на дискредитацию конкретных лиц или организаций и не содержит утверждений, могущих рассматриваться как факты.

Автор оставляет за собой право на интерпретацию событий как часть творческого и исследовательского процесса.

От автора

ДНК — это код, в котором скрыта информация о нашем теле. Возможно, если научиться читать его глубже, мы приблизимся к пониманию того, почему душа выбирает именно такое тело и через какой опыт ей предстоит пройти. Благодарность.

Я благодарна своему отцу и мужу за отсутствие опоры. За пустоту, к которой я перестала тянуться. Там, где никто не держал, я встала сама. Так появился мой голос. И моя идентичность.

Пролог. Точка распада

Я открываю глаза и сразу понимаю, что утро уже здесь. Что оно случилось без моего согласия. Что день стоит где-то рядом и ждёт, когда я поднимусь и признаю его. Свет проникает сквозь веки даже тогда, когда я их снова закрываю, и от этого внутри возникает глухое сопротивление. Не протест, а именно сопротивление, как у тела, которое отказывается продолжать движение.

Чёрт... Снова утро. Снова день. Ещё один, который нужно прожить, протащить, вытерпеть, разложить по часам и обязанностям. Внутри меня уже нет ни пространства, ни запаса.

Я лежу, стараясь не шевелиться, как зверёк, притворившийся мёртвым. Любое движение может выдать меня. Может быть услышано, почувствовано и замечено. Если я шевельнусь, он проснётся, и тогда день начнётся окончательно. Без шансов на отсрочку. Я дышу неглубоко, как будто могу спрятаться внутри собственного дыхания. Делаю его настолько незаметным, что даже сама перестаю ощущать, что дышу.

Где-то на кухне уже слышны голоса. Громкий разговор, чей-то смех и быстрые фразы, которые перебивают друг друга. Резкое звяканье посуды. Это столкновение чашек или что-то опять разбили? Кто-то ругается вполголоса. Я всё это слышу и замираю ещё сильнее, как будто могу исчезнуть между одеялом и матрасом. Я не хочу вставать. Я не хочу выходить туда и слушать претензии, участвовать в поиске вещей, объяснять, где что лежит и почему еда не такая вкусная.

Тело даёт о себе знать ощущением липкости, как будто я лежу внутри чего-то вязкого. Простыня подо мной мокрая и холодная, ткань прилипает к коже, и я сразу понимаю, что это не пот. Запах доходит чуть позже, сначала как смутный фон, потом как отчётливый факт. Резкий, сладковато кислый, детский. Он ночью снял памперс. Моя майка мокрая, штаны тяжёлые и пропитанные. Простыня промокла насквозь, как и одеяло, даже подушка на ощупь влажная. Ночь пропитала всё вокруг.

Я лежу в этом и не поднимаюсь. Во мне нет отвращения и нет потребности срочно всё смыть. Есть только одно желание. Не двигаться. Пусть так. Пусть я полежу ещё немного, пусть тело останется в этом состоянии, лишь бы никто не трогал, не звал, не требовал, не нуждался во мне прямо сейчас.

Я чувствую, как он начинает шевелиться. Не открывая глаз, спиной, кожей, всей поверхностью тела. Его движения беспокойные, рваные, будто он всё время ищет положение, в котором станет легче. Нос у него заложен. Дыхание тяжёлое, вырывается между разомкнутых губ. Я ещё не прикоснулась к нему, но уже знаю, что он горячий. Значит, садика не будет. Значит, мы снова будем здесь. Неделю точно. Он прижимается ко мне, и всё пространство как будто сужается до нашего контакта. Дальше я уже представляю, что нас ждёт — бесконечные сиропы, градусник, его плач, бесконечные капризы, и редкие короткие отрезки тишины, в которых всё равно нельзя расслабиться.

Внутри становится тесно. Мне некуда выйти. Я же сама этого хотела. Я сама выбрала декрет. Я помню ту точку, где мне стало тяжело с людьми, где разговоры начали утомлять, а чужие ожидания превращались в груз. Мне хотелось длительной паузы, смены воздуха и выхода из постоянного контакта с людьми. Декрет показался идеальным решением, самым логичным и самым безопасным. Я шла к этому. Я радовалась. Я говорила себе, что это правильно, что это моё предназначение.

Голоса постепенно стихают. Слышно, как закрывается дверь. Они ушли. Теперь можно выйти из этой комнаты. Я поднимаюсь медленно, стараясь не разбудить его окончательно. Он сразу тянется ко мне рукой во сне, ищет тепло, но через несколько секунд снова затихает. Я осторожно перекалдываю его на край кровати, достаю из шкафа другое одеяло и укрываю его.

Потом стягиваю простыню, снимаю наволочки, пододеяльник. Медленно снимаю с себя одежду и складываю всё вместе. Куча получается большая, бесформенная, пахнущая. Она лежит на полу, как след ночи, который невозможно игнорировать и невозможно быстро убрать.

Я тащу эту кучу в ванную. Она тянет руки вниз, оставляет на коже влажный холод. Открываю стиральную машинку и сразу вижу вчерашние вещи, которые так и не были развешаны. Они закисло, напитались влагой и временем. Это значит, что всё придётся перестирать, всё без исключения. Мои глаза закрываются на секунду из-за этой глухой вины, которой даже не нужны объяснения.

Я заполняю ванну бельём. Всё вместе. Ночное, вчерашнее, мокрое, пропахшее. Ванная быстро превращается в беспорядок. Я укладываю своё тело на эту кучу и мне становится спокойно. Не нужно быть аккуратной. Не нужно делать красиво. Я не боюсь, что сейчас откроется дверь и в неё зайдёт свекровь, посмотрит, оценит, начнёт причитать. После нашей ссоры она вычеркнула меня и детей. И в этом бардаке, в этой куче грязного белья, я чувствую почти удовольствие. Я могу не соответствовать. Могу не держать фасад. Могу быть небрежной и отвратительной.

Он появляется в дверях и плачет, отнимая у меня секунды удовольствия. Говорит, что у него болит головка. Голос гнусавый, слабый. Я беру его на руки, и он сразу кажется тяжёлым, горячим, будто внутри него горит маленький огонь. Жар проходит через мою кожу. Его волосы мокрые от пота, он утыкается мне в шею и всхлипывает, цепляясь за меня всем телом.

Я лежу с ним посреди ванной, среди запахов, белья, усталости, и понимаю, что это и есть моя реальность сейчас. Без красивых картинок. Просто я, моё тело, мой ребёнок и утро, которое всё равно наступило, хотела я этого или нет.

Иногда мне кажется, что всё могло сложиться иначе. В свои тридцать пять я могла бы быть кем-то другим. Просыпаться в чистой постели. Принимать душ в тишине. Выбирать одежду без спешки. Надевать белоснежную рубашку, хрустящую, свежую, без пятен и запахов. Выходить из дома и идти в офис. Садиться за стол, открывать ноутбук, пить кофе три раза за утро и разговаривать с людьми взрослыми словами.

Я могла бы быть похожей на своих сверстников. На одноклассников. На коллег, которые чего-то достигли, заняли позиции, накопили опыт, научились жить для себя. Я представляю их лица, их уверенные жесты, их разговоры, и эта картинка на секунду зависает передо мной, как чужая жизнь, которая прошла рядом и свернула в другую сторону.

Мы идём на кухню. После завтрака старшие дети оставляют беспорядок на столе. Куски сыра, разломанный хлеб, недоеденный бутерброд с ветчиной лежат среди тарелок, как остатки маленького домашнего побоища. Крошки рассыпаются по полу. Под столом валяются скомканные салфетки. В раковине громоздится гора грязной посуды, а осколки разбитой чашки уже лежат в мусорном ведре. Холодильник приоткрыт, внутри горит свет. В нём стоят несколько случайных упаковок, которые ничего не решают. Это значит, что снова нужно идти в магазин и готовить. Прямо сейчас.

Я беру градусник. Руки делают всё сами. Они уже знают этот порядок лучше меня. Цифры загораются, мигают и замирают. Тридцать восемь и шесть. Высокая температура. Такую нужно сбивать. Я тянусь за сиропом, беру мерный колпачок, наливаю вязкую розовую жидкость и слежу за уровнем, чтобы не перелить ни капли. Сироп густой и липкий, он медленно тянется вниз по стенкам. Это движение раздражает больше, чем плач.

Ребёнок мотает головой и плачет. Я говорю ему тихо, почти шёпотом, что это сладко, что этот сироп принес зайчик. Что ему станет легче. Что мама рядом, мама его любит, мама его никому не отдаст. Я говорю это снова и снова, как заклинание, как будто слова могут удержать хоть что-то. Он выпивает эту мерзкую жижу и я обнимаю его. Крепко прижимаю к себе, чувствую его жар, его слабость. Я шепчу ему о том, что мы проведём этот день вместе. Я здесь. Я рядом.

Я знаю, что люблю его. Это знание устойчивое, оно остаётся даже здесь. Да, жизнь сложилась иначе, чем представлялось когда-то. Да, многое пошло по другому пути. Но любовь к детям жива, она присутствует и она реальна. Я хотела, чтобы они появились. Я выбирала их. И это тоже факт, от которого уже никуда. Без них была бы пустота.

Мне часто снится один и тот же сон. Мне почти сорок. Замужем так и не была. У меня нет детей. Внутри стоит густой страх, как будто жизнь уже прошла и где-то мимо, а я так и осталась вне её, не реализовавшись как женщина, не успев прожить то, что должно было случиться. Я просыпаюсь резко с этим чувством, всем своим телом. И сразу тянусь к детям, обнимаю их судорожно, прижимаю к себе, будто проверяю, что они здесь. И в этот момент только одна мысль — уф... это всего лишь страшный сон.

Я включаю мультики почти сразу, нервным движением. Ловлю себя на том, что делаю это слишком быстро, почти поспешно, словно мне нужно поскорее отделаться от него. Сбросить с себя его присутствие хотя бы на несколько минут. Экран загорается яркими цветами и веселый звук заполняет комнату. Ребёнок постепенно замирает, его взгляд прилипает к движению экрана. Это тот редкий момент, когда я могу отойти. Когда пространство между нами появляется хотя бы на пару метров. Я выхожу из комнаты и иду на кухню.

Нужно готовить завтрак. Мысль о приготовлении пищи останавливает движение. Аппетита внутри нет. Даже представление о еде вызывает усталость. Я столько лет отвечала за обеды, ужины, полдни, перекусы, за бесконечный вопрос о том, кто что будет есть и, кто от чего откажется.

Я наливаю себе воду и пью жадно, большими глотками, словно восполняю внутреннюю сухость. Потом достаю пакет с кашей. Я знаю, что ребёнок есть её почти не станет, но ритуал требуется соблюсти. Я насыпаю жёлтый порошок в кастрюлю, заливаю водой, ставлю на сильный огонь и начинаю мешать. Ложка ходит по кругу. Каша густеет. Я ненавижу готовить. Не могу вспомнить, когда именно разлюбила это. В какой момент простое действие превратилось в обязанность, которую нужно просто довести до конца?

Из комнаты доносится его крик. Короткий, тянущий, как будто его резко выдернули из тёплого места. Я иду туда быстро. Мультки с яркими машинками остановились. Я нажимаю на кнопки, промахиваюсь, нажимаю снова и начинаю ругаться вполголоса. Картинка возвращается. Яркие цвета снова заполняют экран, звук выравнивается, и он постепенно затихает. Всхлипывает ещё раз и замирает, будто его снова положили на место. Он просит воды. Я подношу кружку, он пьёт медленно, жадно с паузами. Вода стекает по его подбородку, я вытираю своим рукавом — машинально, грубо, размазывая капли по лицу. Кажется, что моя аккуратность давно выпала из меня, как ненужная часть.

Я выхожу и возвращаюсь на кухню. В воздухе уже стоит запах гари. Каша сбежала. Она перелилась через край, потекла на плиту и начала пригорать. Внутри вспыхивает резкое раздражение. В голове мелькает знакомая мысль о том, что я снова что-то упустила, снова отвлеклась, опять сделала всё криво. Я знаю, что муж позже спросит, чем пахнет, что его раздражает этот запах, что он всегда сравнивает меня со своей матерью, у которой всё получалось аккуратно и правильно. Даже когда он молчит, его взгляд всё равно сравнивает, отвращение ко мне, ощущается без слов.

Я снимаю верхний слой каши и перекладываю его в тарелку ребёнку, добавляю масло, ложку варенья, делаю вид, что так и задумано. Остатки каши остаются в кастрюле. Я заливаю её водой из-под крана и отправляю в раковину, поверх той же шаткой башни из посуды. Тарелки, чашки, ложки, всё навалено друг на друга. Я смотрю на эту гору и понимаю, что мытьё отложится. Главное, успеть до его прихода домой.

Я беру тарелку с кашей и иду в комнату. Экран светится, в мультике кто-то весело говорит. Я подношу тарелку ближе, и он сразу отворачивает голову, как будто чувствует опасность

заранее. Ложка замирает в воздухе. Я смотрю на его затылок, на это маленькое упрямое движение, и внутри что-то отпускает. Я говорю спокойно, почти равнодушно. Прекрасно... Разворачиваюсь и иду обратно на кухню.

Каша летит в мусорное ведро одним тяжёлым комком. Глухой звук. Тарелка летит в раковину, к кастрюле, которая уже там и в мутной воде, ждёт своей очереди, как и всё остальное. Всё это остаётся там, в раковине, в куче утреннего провала. Внутри возникает странное облегчение. Он эту кашу есть и не собирался. Она пахла пригоревшим, даже под джемом и маслом. Даже если бы перед ним стояло блюдо из мишленовского ресторана, он бы его сейчас так же отодвинул. Сил бороться больше нет. Сил уговаривать, подсовывать, менять, предлагать тоже нет. Он смотрит мультик. Этого достаточно.

Я ставлю чайник. Пока вода нагревается, возвращаюсь к объедкам, которые дети оставили после завтрака. Собираю прямо в ладони куски хлеба, сыра, недоеданный бутерброд с ветчиной и ем быстро, жадно, будто пытаюсь забить чем-то эту дыру внутри. Крошки падают на пол, я даже не смотрю вниз. Наливаю себе крепкий кофе и запиваю им всё, обжигая язык и пальцы.

На верхней полке кухонного шкафа лежит блистер, наполненный белыми, как известь, таблетками. Он сразу бросается в глаза. Я смотрю на него дольше, чем нужно. В этом маленьком блистере помещается весь мой провал, который теперь можно держать двумя пальцами. Взгляд задерживается ещё на мгновение и уходит к окну, где за стеклом качается ветка дерева, трепещут листья на ветру. Высоко в небе вдали пролетает самолёт. Маленькая точка среди бескрайнего неба, которая будто пришла из прошлого, чтобы подмигнуть мне.

Я иду в ванную. Дверь не закрываю. Пространство сужается до маленькой комнаты, где можно хотя бы условно остаться одной. Я включаю воду, чтобы сначала прополоскать лежащее в ванне бельё. Пока руки бездумно работают, поднимая и опуская в разы потяжелевшую ткань, мое время тает. Пар поднимается вверх, воздух насыщается влагой. Наконец, загрузив стирку, вхожу под струи сама, и вода бьёт по телу — жёстко, почти болезненно, по плечам, по моей спине, по расчерченному багровыми и белыми растяжками животу. По этому уставшему и чужому телу. Она молотит и стекает, а я стою и чувствую только это. Горячая вода на секунду собирает меня обратно, возвращает хоть какие-то границы.

Когда я выхожу, зеркало запотело. Я протираю его ладонью и вижу отражение. На меня смотрит уставшее лицо с опущенными уголками рта и тяжёлым взглядом. На лбу сразу выступают глубокие заломы, будто кожа запомнила это напряжение и больше не отпускает его. Это не возраст. Не годы. Не проблема кожи. Это сжатое существование рядом с тем, от чего нельзя расслабиться.

Мой взгляд сползает ниже. Тяжёлая, опустившаяся после кормлений грудь больше не держится, она просто висит, как что-то использованное и оставленное. Взгляд опускается ниже на живот. Сверху нависает складка, тяжёлая, чужая, как мешок, который привязали и забыли снять. Я нажимаю на эту складку пальцем и почти ничего не ощущаю. Под ней прячется шрам. Это место резали три раза, и оно срослось в один широкий след, неровный, перекошенный, как плохо зашитая рана.

Я наблюдаю в зеркало, как лишний вес висит на мне мёртвым грузом. Плюс двадцать килограммов, которые стали частью конструкции. Этот вес больше никуда не уйдёт. Сколько бы усилий я ни прикладывала, сколько бы раз ни начинала сначала, тело уже выбрало этот формат. Я смотрю на него и чувствую, как подкатывает отвращение. Как вообще можно хотеть это тело. Как можно быть его обладателем.

Это тело сдавалось в аренду три раза. Внутри него выстраивалась новая жизнь, несколько раз подряд, без перерывов и полного восстановления. Как будто кто-то пришёл, взял всё, что было нужно, и ушёл, оставив следы. Три раза оно перестраивало сосудистую сеть, отращивало новые капилляры, утолщало матку, меняло внутри давление, гормоны и дыхание. Это тело

отдавало кальций, белок, железо, вытягивало из себя всё, что могло, чтобы кто-то внутри рос, делился и смог полноценно формироваться.

Три грёбанных раза мой живот резали. По живому. Скальпель входил глубже и глубже. Его раскрывали, доставали из него жизнь, а потом снова сшивали, оставляя рубец. Шрам за шрамом. Слои соединяли, но целостность уже никогда не возвращалась в прежнем виде. Тело напоминало каждое вмешательство. Оно училось жить с этим дальше, как будто ничего особенного не произошло, но и отпечаток прошлого не забудешь.

А вдруг дело вообще не в детях. Вдруг дело во мне. В том, что я приложила слишком мало усилий, чтобы вернуть тело, вернуть форму и вернуть себя. Вдруг я оказалась слабее, чем думала. Вдруг я сдалась раньше, чем нужно было. Я выбрала раствориться, потому что это оказалось проще, чем бороться. Вдруг я позволила этому состоянию закрепиться и стать нормой.

И в этот момент всё резко обрывается. Из комнаты доносится громкий крик, рвущий тишину. Мультик закончился, и он остался один на один с собой. Его плач мгновенно заполняет пространство, вырывает меня из этого внутреннего провала.

Я дёргаюсь, хватаю полотенце, заворачиваясь в него на ходу. Моя кожа ещё горячая после душа, с мокрых волос по спине стекают капли воды. Я иду к нему быстро, почти бегом. Этот звук нельзя игнорировать. Он всегда сильнее любых мыслей.

Я вхожу в комнату, он сидит, всхлипывает, тянет ко мне руки. День продолжается. Всё продолжается. И тело снова требуется целиком. Я с тобой малыш, я никому тебя не отдам.

Квартира постепенно наполняется, сначала появляется один ребёнок. Он заходит молча, закидывает свои вещи, бросает рюкзак на пол, проходит в комнату и закрывает за собой дверь с глухим хлопком. Потом приходит второй, та же траектория, коридор, пол, дверь. Звук одинаковый, как отработанное движение. Школа заканчивается здесь, внутри этих комнат, где слова больше не нужны. Я спрашиваю, как прошёл день, ответа нет. Я спрашиваю, будут ли есть, в ответ пожатие плечами. Я спрашиваю, пойдут ли гулять, никто не поднимает головы.

Раньше мы гуляли. Утром или вечером. Всем составом. Шли вместе, толкали коляску, обсуждали забавные мелочи, дышали воздухом. Сейчас прогулки исчезли. Они растут, и никто больше не вытаскивает их из дома. Они расходятся по своим комнатам и там остаются. Полумраке до самой темноты тихо светятся их экраны, и только редкое движение пальцев по стеклу выдаёт, что они ещё здесь.

Я смотрю на это и ничего не делаю. Желание что-то организовать отсутствует, сил тянуть всех куда-то, придумывать, заставлять тоже нет. Всё остаётся как есть, и именно в этой неподвижности начинает нарастать тяжёлое напряжение, сильнее всего остального.

Он скоро придёт.

Моё тело сжимается. Его стягивают изнутри, сворачивая в плотный, болезненный комочек. Я знаю, что будет дальше. Он войдёт, остановится на пороге и медленно проведёт взглядом сначала по кухне. Потом по детям и по этой застойной, разъединённой тишине, в которой каждый сам по себе. В его холодном взгляде уже соберётся всё, что ему покажется неправильным. Он будет недоволен. Даже если ничего не скажет, это недовольство останется между стенами, осядет в воздухе и ляжет на меня.

Я хочу, чтобы он не приходил. От одной этой мысли внутри уже неприятно, как будто что-то холодное проходит по коже заранее. Если дверь щёлкнет раньше обычного, напряжение только сжимается сильнее. Его шаги всегда слышны раньше, чем он сам. И вместе с ними в пространство входит что-то тяжёлое. Словно он открывает не дверь, а впускает давление, которое сразу заполняет всё пространство.

Раньше я уходила из квартиры. Я находила выходы. Тянула время, растворяясь в прогулках. Задерживалась где угодно, лишь бы не возвращаться к тому моменту, когда он входит и пространство под его напряжением меняется. Я пряталась в делах, закрывалась в комнате под

предлогом работы, цеплялась за любые поводы, лишь бы не встретиться с этим лицом к лицу. Сейчас уйти невозможно. Я остаюсь здесь, посреди всего неправильного, и чувствую, как меня сжимают в тиски. Клетка захлопнулась, и воздуха в ней почти не осталось.

Мы давно перестали разговаривать. Это произошло тихо, без сцен и хлопков дверей, как исчезает боль после ожога: сначала ноет, потом тупеет, а потом остаётся участок, к которому больше не прикасаются. Наше общение сузилось до сухих бытовых фраз, как список на холодильнике. Что купить. Кто заберёт. Кто куда поедет. Даже эти слова даются с усилием, словно каждый раз приходится проталкивать их через горло. Наша близость исчезла. Мы спим в разных кроватях, и моё чувство вины за это выгорело, как перегоревшая лампочка, которую никто не меняет, потому что уже всё равно темно.

Я давно уверена, что у него кто-то есть. У меня нет ревности, нет боли или желания что-то выяснять. Скорее появляется спокойствие. Пусть будет так. Главное, чтобы меня оставили в покое. Главное, чтобы тело, давно утратившее чувственность, больше не использовали. Я — тело, которым пользуются, пока оно работает. Тело, которое однажды просто спишут.

Из детской доносится крик и возня. Старший и средний подрались, сцепились из-за пустяка, но достаточно громкого, чтобы требовать вмешательства взрослого. Я остаюсь на месте. Каждый их крик, каждый каприз, каждый спор режет одинаково, как одно и то же слово, повторённое слишком много раз. Я устала быть той, кто без конца разнимает, читает нотации, объясняет правила, учит мириться, сглаживает углы и переводит злость в слова. Всё это выглядит бесполезным и волнует только меня. Он в это не вмешивается. Никогда. Не подходит и не успокаивает, как будто всё, что происходит между ними, его не касается.

Я сижу на кухне и ем что-то холодное и безвкусное, глядя в одну точку. Младший наконец уснул, он долго маялся, цеплялся за меня и плакал. Я давно ждала тишины, чтобы пробраться на кухню и заглушить свои мысли. И именно в этот момент возвращается муж, громко хлопая дверью, с телефоном в руке и с порога продолжая громко разговаривать о бизнесе. Моя тишина ломается в этот же момент и рассыпается без остатка.

Обжигающая злость поднимается сразу, и я даже не успеваю буркнуть: «можно потише!», — как уже срываюсь и бегу к ребёнку на его плач. Он ворвался и забрал мою тишину, вырвал её из рук, как что-то, что мне и так давалось с трудом. Я беру ребёнка на руки, успокаиваю его и вдруг вспоминаю, что когда-то была другой — когда-то любила своего мужа, верила и жила ради них с ощущением смысла. Сейчас я на дне, и самое страшное здесь — это понимание, что у этого дна нет границы. Это состояние кажется до боли знакомым, как будто я уже видела это раньше, в детстве. Тогда мне казалось, что со мной так точно не будет. Я сделаю всё, чтобы этого не произошло.

Я жду ночи. Считаю время, не глядя на часы. День тянется, липнет, не хочет уходить, как пьяный гость, которого уже ненавидишь, а он всё сидит за столом и шаркает ногами. Я хочу, чтобы ночь пришла и сожрала все эти голоса, все эти требования, все эти движения. Ночью никто не зовёт. Ночью можно просто поползти до кровати и рухнуть, как падает животное, загнанное до хрипа.

Когда наконец темнеет, я почти бросаюсь на постель. Матрас принимает меня жадно, глубоко, и на секунду кажется, что этого хватит. Ещё немного, и я исчезну. Растворюсь. Провалюсь в чёрную яму, где нет ни детского плача, ни шагов, ни чужих лиц.

Но сон не приходит.

Он кружит, как стервятник, и не решается напасть. Он дразнит меня, издевается, держит на грани. Он стоит рядом, как чувствуется вода в сантиметре от пересохших губ, и всё равно не даётся. Всё тело налито тяжёлой, тягучей усталостью, а ноги гудят глубокой ноющей болью. Мои виски сдавлены тупым железным обручем, под которым вязко стучит кровь. Каждая мышца изнемогает, просит только одного — отключиться, провалиться, исчезнуть. Но в голове, наоборот, начинает раскручиваться холодное бешеное колесо.

Я лежу с закрытыми глазами и чувствую, как внутри становится всё ярче. Словно кто то включил под черепом белую больничную лампу. Сон ушёл, оставив меня одну в этой вязкой, пустой темноте. Сразу начинают подниматься рваные мысли. Они лезут толпой. Острые, злые и голодные, как крысы из затопленного подвала.

Я хватаю телефон, открываю ленту. Листаю лица чужих людей, их ужины, их поездки, чужой смех. Потом открываю родительский чат. Снова напоминают сдать деньги. Кто-то просит принести материалы для поделки. Учитель выкладывает очередное задание, которое нужно сделать дома. Я закрываю переписку. Экран гаснет, и комната проваливается в темноту.

И из этой чёрной тишины поднимается самое страшное. Желание вернуться назад. Схватить свою жизнь за шиворот в том месте, где она ещё была податливой, и дёрнуть в другую сторону. Я хочу найти ту секунду, где всё пошло вниз. Тот незаметный поворот, тот уступленный шаг или то молчание, после которого я начала исчезать.

Я лежу неподвижно, чувствуя, как сердце бьёт в матрас. Я закрываю глаза и проваливаюсь в свои воспоминания. В самую глубину. До дна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.